

поezії Б. Грінченка властиве драматичне сприйняття соціальної дійсності. Немає жодного вірша, з якого не струменіла б авторська соціальна емоція. Дійсність у сприйнятті автора – жахлива, вона змушує страждати фізично, тому лейтмотивом його ліричної спадщини є люті муки, журба, зболіле серце, побите, сточене, зотлілеє, співи-ридання, пісня сумна, гніт тяжкий, лихо, сльози, прокльони, горе, світ цей – темрява темна, тюрма, неволя тяжка, самотина, нудьга, дні похмури.

Більшість образів жінок-матерів потерпають в умовах існуючої дійсності, вони журяться, плачуть, страждають, їхні мрії маревом ідуть у небуття, суспільство, засноване на експлуатації людини людиною, витягує життєдайні сили з людей, роблячи їх життя марним, пропацим. Ці соціальні процеси хвилюють самого автора, завдають болю його вразливому «зболілому» серцю. Це стимулює авторський пошук шляхів, що виведуть людину з демократичних кіл із тенет соціальної приреченості.

Б. Грінченко підводить читача до висновків широкого змісту – про антигуманну сутність усього суспільного ладу. Поет показує, як жорстокі умови життя нівечать долі чуйних, прекрасних душею жінок. І їх страждання автор трактує як загальнонародне лихо, породжене тиском соціального устрою, суспільними умовами. В основі змісту цих творів лежить контрастне протиставлення мрій ліричних персонажів реаліям життя. Загальнолюдські ідеали любові, рівності, материнської самопожертви заради щастя дитини постають із творів митця як найвища моральна й соціальна цінність.

Література

1. Грінченко Б. Д. Твори : у 2-х т. / Б. Д. Грінченко. – К. : Вид-во АН УРСР, 1963. – Т. 1 : Поезії. Оповідання. – 603 с.
2. Поспелов Г. Н. Лирика / Г. Н. Поспелов. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1976. – 208 с.
3. Смілянська В. Л. «Святим огненным словом...» Тарас Шевченко : поетика / В. Л. Смілянська. – К. : Дніпро, 1990. – 290 с.

УДК 81'37

И. Г. Кошелева

АУТЕНТИЧНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ГЕНДЕРА ПОМОРСКИМ ЭТНОСОМ НА СТРАНИЦАХ КНИГИ С. В. МАКСИМОВА «ГОД НА СЕВЕРЕ»

Кошелева И. Г. Аутентичність сприйняття гендеру поморським етносом на сторінках книги С. В. Максимова «Рік на Півночі».

У статті розглянуто віддзеркалення питання про гендер в етнографічному творі С. В. Максимова «Рік на Півночі»; проаналізовано мовні стереотипи, діалектну лексику і задокументовано діалоги з мешканцями Архангельської губернії; ілюстративно доведено, що сприйняття гендеру в поморів відрізняється від еталонного російського сприйняття попри наявність часткових збігів.

Ключові слова: гендер, мовні стереотипи, помори, аутентичність, оцінна лексика.

Кошелева И. Г. Аутентичность восприятия гендера в поморском этносе на страницах книги С. В. Максимова «Год на Севере».

В статье рассматривается отражение вопроса о гендере в этнографическом произведении С. В. Максимова «Год на Севере»; анализируются речевые стереотипы, диалектная лексика и задокументированные диалоги с жителями Архангельской губернии; иллюстративно доказывается, что восприятие гендера у поморов отличается от эталонного русского восприятия, несмотря на частичное совпадение.

Ключевые слова: гендер, речевые стереотипы, поморы, аутентичность, оценочная лексика.

Kosheleva I. G. Authentic perception of gender in the Pomor ethnic group in the pages of S. Maximov's book «The Year in the North».

The article deals with the expression of gender issue in the ethnographic work of S.V. Maximov «The Year in the North», analyzes the speech patterns, dialect vocabulary and conversations with residents of Arkhangelsk province, which are documented there, illustratively shows that the perception of gender in the Pomor ethnic group differs from the standard Russian perception, though it coincides with it partly.

Key words: gender, speech patterns, pomors, authenticity, estimated vocabulary.

Аутентичные особенности каждого этноса, входящего в состав нации, являются важным элементом общей картины мира народа. Проявлением отношений к «своему» и «чужому» являются не только особенности межкультурных коммуникаций, но и взаимодействие внутри этноса, внутри определённого социума и внутри семьи. С данной точки зрения определение специфики гендерного мышления и восприятия поморов является важной вехой этнолингвистического исследования северных народностей, быт которых изображен на страницах книги С. В. Максимова «Год на Севере».

Современная гендерная лингвистика и С. Бем, как один из её основоположников, выделяют четыре гендера: феминный, маскулинный, андрогенный и недифференцированный [6, с. 1047]. Под гендером подразумевается социальная надстройка над физическим полом, этические нормы, правила и требования, предъявляемые к мужчине или женщине.

Цель статьи – рассмотреть проявления феминного, маскулинного и андрогенного гендеров у жителей Архангельской губернии XIX века, изображенные С.В. Максимовым на страницах его книги «Год на Севере». Проявления недифференцированного гендера в данном произведении нами зафиксированы не были.

Вопрос о гендере возникает на Западе с публикацией статьи Робин Лакофф «Language and Woman's Place» в 1975 году [7, с. 62]. После этого появляются суфражистские и феминистские организации, борющиеся за права женщины в семье и обществе. Позже проявления гендера обнаруживаются во всех сферах человеческой жизни, включая научную деятельность. Исследованиями теории гендерных различий занимались Г. Ю. Айзенк,

В. А. Цукерман, В. А. Геодакян и др.

Хотя в Россию само понятие гендера проникает только в 1980-х с немецкими методологическими периодическими изданиями [3, с. 9], вопрос об образе русской женщины, её месте в обществе обретает возрастающую значимость еще в середине XIX века, сразу после отмены крепостного права. Традиционное представление о русской крестьянской женщине XIX века, «величавой славянке» наиболее ёмко передают знаменитые строки Некрасова из поэмы «Мороз – Красный Нос», в которых подчеркивается ее красота, смирение, трудолюбие и способность на подвиги в критической ситуации. Эталонный образ крестьянки вызывает особый интерес потому, что в книге Максимова наиболее широко представлен именно этот слой населения. Далее, к концу XIX века, отмечается рост общественного самосознания женщин, описанный в этнографических исследованиях М. М. Громыко, И. Г. Оршанского, И. Н. Милоголовой и других и выражающийся в том, что женщины-крестьянки всё чаще стали обращаться в волостной суд с жалобами на побои и унижения, считавшиеся нормой в крестьянском социуме.

Дальнейший рост значения женщины в обществе связан с радикальными изменениями в социальной, политической и культурной сфере: с отменой крепостного права, развитием промысловых работ и распадом так называемых «больших семей», которые включали в себя не одно поколение. Постепенно женщин, являющихся «главой семьи» в отсутствие мужа, стали допускать на сельские сходки для решения мирских проблем; судебные дела всё чаще решались в пользу женщин. Изменение отношения к женщине связано с революциями и трансформацией самого рода занятий женщины – она становится не крестьянкой, а работницей.

На Европейском Севере России крепостного права не было, а потому реалии исторического и социокультурного развития существенно отличаются от условий средней полосы России, что и обуславливает отклонения от традиционного восприятия гендерных стереотипов.

Поскольку книга С. В. Максимова написана в художественно-публицистическом стиле конца XIX века, вопрос о гендере в ней не раскрывается непосредственно, он может быть выявлен при анализе описаний культуры, быта жителей Севера, диалогов между мужчинами и женщинами, речевых стереотипов поморов. Под речевыми стереотипами подразумеваются пословицы, поговорки, присловья, приговорки и иные жанры устного народного творчества, передаваемые из поколения в поколение и не утрачивающие своей актуальности.

Об эталонных гендерных нормах русского народа можно судить по произведениям классиков и фольклору, являющемуся отражением народного самосознания. Так, женщине в семье, в обществе и в мире отводится второе место (пословица *муж голова, а жена – шея*; описание создания

Евы из ребра Адама в Библии и др). Женщина считается существом слабым, безвольным и безропотным, во всем уступающим мужчине. В то же время она способна на подвиги в критической ситуации («*когда на скаку остановит, в горящую избу войдѣт...*»). В хозяйстве женщина незаменима в качестве домашней прислуги и помощницы, но тяжелые и серьёзные работы, решение хозяйственных проблем, распоряжение бюджетом семьи всегда ложатся на плечи «главы семьи» – мужчины.

Так как поморы, являясь самостоятельным этносом, входят в состав русского народа, то эталонные гендерные нормы русских находят отражение в их социокультурном пространстве: женщина считается зависимой от мужчины, её роль в обществе незначительна, а в хозяйстве её обязанностями является приготовление пищи и поддержание порядка в доме. Так, хозяин, принимающий Максимова, *усылает бабу за водой* [4, с. 469], а сам, как глава дома, принимает гостя и развлекает его беседой. Когда *женка*, как принято называть в Архангельской губернии женщин, пытается комментировать рассказ мужа, он останавливает её: «*А ты бы не разговаривала, потому как мы это от тебя слыхивали не один раз. Нам речи твои не на новях*» [4, с. 477]. Но *хозяйка* всё равно вступает за деревенскую девушку, которую *больно постегали*, потому что считает это несправедливостью. Помор не проявляет грубости или агрессии, хотя в рассказе и подчёркивает, что «*Вся беда от девки идет, вся беда от нее. Сама девка злу корень. В ней либо бес засел, либо так дурит*», удивляется тому, как *девка-то на парня-то топнула*, демонстрируя этим отклонение от нормального, традиционного, ожидаемого женского поведения. Тем не менее, в отстранённых описаниях женщин поморами явственно чувствуется уважение и гордость за них: *Ростом высока, пуцай, как и все наши бабы (...)* *С глаз – хитрая, в словах – увертливая. (...) И поговорить любила, и шутку подкинет такую, что и молодой разбитной женке не сделать. Эта Москву обойдет. Эта там не заблудится, да еще и других прочих с собой на свою дорогу проведет* [4, с. 271].

Примечательно, что в гомогенных женских группах преобладает мелиоративная лексика: женщины обращаются друг к другу в повседневной беседе уважительно, употребляя ласковые прозвища и уменьшительно-ласкательные суффиксы, словно компенсируя недостаток положительных эмоций, недополученный от общения с, как правило, грубыми мужьями. Подтверждением этому является диалог между женками сразу же после того, как мужья уходят на летние промыслы: «*Нуют бабы и плачутся друг другу на крутые, тяжелые времена.*

– *Чтой-то, женки, словно и не бывало такого горя: такая-то дурь, не глядела бы!..*

– *И не говори, желанная, словно назло нам и погоды-то такие дались. Не наговорил ли кто?*

– А то, **девонька**, не пустил ли кто с Карелы на нас этакое несхожее попущение? делают ведь...

– Делают, **богоданная, ангельская душа твоя**, делают! Есть там такие: вон стрелья пуцают же!

– Пуцают, **кормилка**, пуцают, **желанная моя**! Экой грех, экое горе!

– И не говори, **девонька**; такой-то неизбывный грех, такое-то злключение! Ой, Господи, ой, соловецкие святые угодники!..

– Да помолиться, нешто, **женки**, Варлаамю-то Керетскому дает ведь поветерье-то, посылает!

– И то, **разуницы**, помолиться: легче станет, на душе рай расцветет.

– Расцветет, **кормилицы**, расцветет и... полегшеет [4, с. 216–217].

Силу характера, крутость нрава поморок, их самостоятельность, несмотря на свойственную женщинам слабость, хрупкость и нежность, Максимов демонстрирует, приводя рассказ другого помора о жизни селений летом, когда все мужчины уходят на промыслы: *русская баба везде не прочь поплакать; с женским-то умом – толком не везде тут угодишь; но повоют бабы, (...) поохают, повздыхают (...), но уже не дальше на том простом основании, что нудой поля не изъездишь, тугой моря не переплывешь* [4, с. 197]. Именно с длительным отсутствием мужчин, с промысловым образом жизни и связано более прогрессивное отношение поморок к феминному гендеру на Севере.

Отклонением от эталонного представления о женщине, нормой которого считаются тяжелые полевые работы крестьянок, являются некоторые ремёсла и умения, которыми владеют поморки: гребля, поденная работа и рыбная ловля в средней полосе России и на юге являются мужским занятием, а в книге Максимова фигурируют *гребцы прекрасного пола* [4, с. 162], *женки, занятые выгодной поденной работой* [4, с. 542] и др. В то же время, поморки занимаются традиционными женскими ремёслами – ткачеством, рукоделием, домашним хозяйством. Самостоятельность и некоторое своеволие поморок, частично сопоставимое с образом казачки – вольной, сильной и самостоятельной женщины, которая любого казака «заткнёт за пояс», вызывают у Максимова восхищение; в то время как мужчины отдалённых областей Архангельской губернии, не задействованные в работах и проводящие всё своё время праздно, на фоне поморских женщин предстают в невыгодном свете: (...) *если толковая, храбрая и сильная жена не успеет отобрать у расходившегося мужа небольшие остатки, которые пойдут потом на недельное пропитание голодной, полунагой семьи. Можно положительно сказать, что только в женском населении, отличающемся крепким, здоровым и красивым телосложением, сохранился новгородский тип* [4, с. 82].

Описывая летние промыслы, автор противопоставляет женской слабости мужскую стойкость, говоря о том, что поморы переносят *более тягостную и более безутешную разлуку с родными семьями со стоическим хладнокровием*

[4, с. 197], демонстрируя этим соответствие образа поморского мужчины традиционному маскулинному гендеру, характерными чертами которого являются мужественность, бесстрашие, сила и стойкость – *сильные на руки, бойкие и острые на язык* [4, с. 114]; *добры молодцы*. Негативными чертами считаются пьянство и праздность, и один из информантов подчёркивает положительные качества мужчин-поморов при помощи отрицания этих черт: – *А каков мужской пол из простого люда? – спрашиваю я. – Да мещане все хорошие работники и все при деле. Пьянством и другим бесчинством попрекнуть нельзя. Да и здешнего горожанина редко увидишь на улице...* [4, с. 546].

На страницах книги автор, описывая быт поморов, часто противопоставляет мужское начало женскому, передавая речь гетерогенных и гомогенных групп, в которой концепты «женщина» и «мужчина» выступают в оппозиции. Женщина в мужском сообществе является «чужой», мужчины в речи подчёркивают своё не столько негативное, сколько снисходительно-пренебрежительное отношение к ней (*Мало того, что малый ребенок умеет веслом владать, баба, самая баба – уж чего бы, кажись, человека хуже?!* [4, с. 447]); но в то же время поморы отмечают, что хоть и *бабы города недолго стоят, но без баб-де города не живут* [4, с. 271], и *там, где завелись бабы, появилась и домашняя птица, где мужики, там и домашний скот* [4, с. 260]. Данные сопоставительные конструкции демонстрируют единство и борьбу мужского и женского начал, их противопоставление и одновременную невозможность существования одного без другого, а также особенности славянского менталитета, который не поощряет публичную демонстрацию любви, а провоцирует проявление её через пейоративную лексику («*Из окна рожу продать, табаком торговать – херполянченки*» [4, с. 545]; «*дырявый бабий язык*» [4, с. 546]) и телесные наказания в качестве воспитательных мер («*бьёт – значит, любит*»).

Отдельного внимания заслуживает отображение в книге андрогенного гендера, который традиционно игнорировался в литературе, воспринимался как уродство и отклонение от нормы. Значительного места андрогенный гендер в книге не занимает, он присутствует только в виде описания Максимовым аномалии, встреченной им в одном из посещаемых селений, и дальнейших рассуждений о диалектизмах, связанных с явлением гермафродитизма. В среде поморов «*распетушье*» считается горем не только для матери, но и проклятье для всего селения [4, с. 305]. О локальной уникальности названий, соединяющих в себе характерные черты мужского и женского, в Архангельской губернии, говорит Максимов, отмечая, что поморы *обходятся домашним способом проще и удовлетворительно*, называя гермафродитов «*распетушье*», «*девуля*», «*раздевулье*», «*размужичье*», «*бабьяком бабеной*», заменяя *общее русское название «двуснастный, двусбруйный, двуполоый»* [4, с. 306]. По контексту сложно восстановить

истинное значение данных номинаций, так как в начале отрывка «распетушьем» повитуха называет новорождённого, а далее в тексте Максимов использует данную лексему для обозначения женщин, которые *предпочитают одеваться мужчинами, грубеют, утрачивая женские свойства и размужичиваются* [4, с. 306]. В словарях диалектизмов толкование слов «девуля», «раздевулье», «размужичье», «размужичиваться» также неоднозначно [5, с. 41. 145; 1, с. 385], но подробный лексикографический анализ заслуживает рассмотрения в отдельной статье. Таким образом, материал книги не позволяет определить, является ли «*распетушье*» номинацией андрогенного гендера, являющегося психологической особенностью личности, или номинацией гермафродитизма – физического отклонения в строении тела человека.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что особенностью гендерного восприятия женщины у поморов является некоторое смещение гендерных акцентов в сторону маскулинного, большая эмансипация женщин на Севере, чем на Юге и в средней полосе России; вербальное приуменьшение ценностного значения женщины в социуме, сочетающееся со стойким фоновым впечатлением крепости семейных отношений у поморов. Женщина на Севере являлась не только хранительницей домашнего очага, но и другом, товарищем, соратником и партнёром, который в нужный момент поможет, возьмёт на себя обязанности главы семьи и сможет прокормить семью. Отметим также особенное отношение к андрогинам, включение их в социум, хотя и с некоторым негативным коннотативным оттенком.

Литература

1. Архангельский областной словарь. – Вып. 10. Г–Д / Под ред. О. Г. Гецовой. – М., Наука, 1999. – 479 с.
2. Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX веке / Н. М. Дружинин. – М., 1985. – 488 с.
3. Ковтунова О. В. Частная периодическая печать Таврической губернии как источник по социальной истории России конца XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Ковтунова. – М., 2010. – 26 с.
4. Максимов С. В. Год на Севере / С. В. Максимов ; [Вступ. Стат., подгот. текста и примеч. С. Плеханова]. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – 607 с.
5. Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. О. Подвысоцкий. – СПб., 1885. – 202 с.
6. Bem S. L. Theory and measurement of psychological androgyny : A reply – to... critiques / S. L. Bem // Journal of Personal and Social Psychology. – NY : APA Journals, 1979. – Vol. 3. – P. 1047–1054.
7. Llamas C. The Routledge Companion to Sociolinguistics / edited by Carmen Llamas, Louise Mullany and Peter Stockwell. – NY : Taylor & Francis, 2006. – 297 p.